

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

АЛЛАХВЕРДЯН АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ

кандидат психологических наук,
руководитель Центра истории организации науки и науковедения
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
Москва, Россия;
e-mail: sisnek@list.ru

АГАМОВА НАТАЛЬЯ СУМБАТОВНА

кандидат педагогических наук,
ст. науч. сотр. Центра истории организации науки и науковедения
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Москва, Россия;
e-mail: igruni@list.ru

Российская научная диаспора и мобильность учебных мигрантов в США (конец XX — начало XXI века)¹

В постсоветский период ввиду активизации миграции российских ученых за рубеж сформировалась так называемая научная диаспора, насчитывающая тысячи квалифицированных специалистов в различных областях науки и техники. Сохраняя российское гражданство, они успешно работают в университетах и высокотехнологических компаниях многих стран мира. Не замыкаясь на решении собственных профессиональных проблем, они стремятся к установлению научных контактов с «материнской» наукой в самых различных формах. Многие ученые-соотечественники за рубежом считают, что пора наводить мосты между двумя лагерями российской науки — ее «утекшими мозгами» и научным сообществом в самой России.

¹ Работа выполнена в контексте гранта РГНФ (11-03-00700а) и общеакадемической программы, проект «Институциональные изменения в отечественной и мировой науках и в научной политике (конец XX — начало XXI века)».

Успех в налаживании стабильного, взаимовыгодного сотрудничества с диаспорой в немалой степени зависит от властей России. Главное — терпеливо искать понимание с обеих сторон, делать это последовательно и непрерывно.

Ключевые слова: эмиграционная политика, кризис 1990-х годов, российская научная диаспора, учебные мигранты, мегапроекты.

С начала перестроечных процессов и либерализации эмиграционной политики в конце 1980-х годов интерес к феномену «утечки умов» в России не ослабевает. С тех пор масштабы эмиграции исчисляются десятками тысяч ученых, уехавших за рубеж на постоянное жительство или временную научную работу. В последние годы анализ проблемы находит свое логическое продолжение в изучение другого полюса — российской научной диаспоры. Феномены «утечка умов» и «научная диаспора» — это два полюса одной и той же проблемы научной эмиграции в России (Райкова, 1994; Егерев, 1997; Некипелова, 1998; Аллахвердян, Агамова, 2001; Юревич, Цапенко, 2001; Дежина, 2002; Леденева, Тюрюканова, 2002; Кугель, 2003; Зайончковская, 2003; и др.)

Понятие «диаспора». В самом общем плане под диаспорой (от *древнегреч.* *διασπορά* — ‘рассеяние’) понимается «пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения; диаспоры образовались в результате насильственного выселения, угрозы геноцида, действия определенных социально-экономических факторов» (Словарь иностранных слов, 1989: 65). В настоящее время область явлений, обозначаемых как диаспора, заметно расширилась, а частота употребления термина существенно возросла. В связи с этим смысл, вкладываемый в слово «диаспора», существенно изменился. Понятие «диаспора» используется как родственное для таких явлений, как национальные меньшинства, беженцы, трудовые мигранты и т. д. В конечном счете, речь идет о любых группах людей, по тем или иным причинам оказавшихся вне страны своего происхождения.

Процесс распада Советского Союза в начале 1990-х годов сопровождался спонтанным возникновением новой диаспоры, в одночасье возникшей на территории бывшего Советского Союза (ближнее зарубежье), а также активной миграцией советских людей за пределы СССР и пополнением российской диаспоры, сложившейся в последние восемь десятилетий в странах так называемого дальнего зарубежья (США, Германия, Израиль, Франция и др.).

Формирование за пределами страны научной диаспоры стало фактором, который оказывает все возрастающее влияние на развитие российской науки. «Российская научная диаспора, — отмечает И. Г. Дежина, — это сообщество русскоязычных ученых — выходцев из стран СНГ, продолжающих активные научные исследования за рубежом, решающих сходные проблемы адаптации к новым условиям и, как результат, стремящихся поддерживать отношения друг с другом, а также с оставшимися на родине коллегами, друзьями и близкими. Ядро диаспоры составляют исследователи-контрактники в области естественных наук, а персональный состав диаспоры изменчив» (Дежина, 2008: 209). По мнению других аналитиков диаспоры, наряду с учеными в круг диаспоры может входить также и небольшая, наиболее активная часть российских учебных мигрантов (Егерев, 1996).

Российские учебные мигранты за рубежом (студенты и аспиранты). Официальная статистика об общих размерах и составе сообщества российских учебных мигрантов

за рубежом отсутствует, хотя известно, что они обучаются во многих странах мира. В российской статистике достоверно известно только о студентах и аспирантах российских вузов, выезжающих за рубеж в рамках академического обмена по межгосударственным соглашениям. Например, их численность в 2001 году составила 488 человек (в том числе 415 студентов и 73 аспиранта), и обучались они в 31 стране мира, преимущественно в странах Азии и бывшего социалистического лагеря. Лидером по приему российских студентов являлся Китай — 96 чел. (20 %), далее Япония — 45 (9 %), Венгрия — 36 (7 %), Чехия — 28 (6 %), США — 25 (5 %) чел. Отечественная статистическая информация, охватывающая другие категории международных российских учебных мигрантов, попросту отсутствует. Однако представление обо всех категориях российских студентов и аспирантов, обучающихся за рубежом, можно составить по зарубежным источникам. В контексте всех категорий учебных мигрантов лидером-реципиентом является не Китай, а США, где, в частности, можно определить, по каким учебным программам подготовки российские студенты обучались в американских научно-образовательных учреждениях (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ распределения студентов-россиян в США (по программам подготовки) в 1995/1996 и 2000/2001 учебных годах

Период	Численность обучающихся							
	Всего		В том числе					
			по программе подготовки бакалавров		по программе последипломного обучения (МА, PhD)		другое	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1995/1996	5589	100	2329	43	2726	49	464	8
2000/2001	6858	100	3086	45	3360	49	412	6

Рассчитано нами по источнику: (Леденева, Тюрюканова, 2002: 24–25).

Согласно статистическим данным, образовательная миграция из России в США составила в 1995/1996 годах 5589 чел., а через 5 лет она численно возросла на 23 % и достигла уровня в 6858 чел. Однако значительный количественный рост учебных мигрантов (23 %) почти не повлиял на процентное распределение студентов-россиян по программам их подготовки. Что касается численности студентов, стремившихся к диплому бакалавра, то за 5 лет она возросла с 43 % в 1995/1996 годах до 45 % в 2000/2001, если же брать аспирантов, готовящихся по программам обучения на магистра (МА) и доктора наук (PhD), то их удельный вес совершенно не изменился (49 %), хотя в абсолютных цифрах они соответственно увеличились на 397 и 274 чел.

Несмотря на многочисленность учебных мигрантов, их участие в российской научной диаспоре было весьма незначительным. Все-таки подавляющее большинство российской научной диаспоры составляют ученые. Однако, по мнению С. К. Егерова, количество российских ученых, работающих за рубежом, не поддается точному определению. Осторожная оценка постоянного ядра в 30 тыс. человек представляется

разумной (еще примерно столько же делит свое время между работой дома и за рубежом). Эта оценка получена несколькими альтернативными способами — по данным интернет-активности ученых, данным динамики выдачи рабочих виз США, прямым счетом публикаций в реферируемых журналах и т. д. География расселения русскоязычных ученых за рубежом обширна, однако учет научных рабочих мест позволяет определить, что основным центром притяжения российской научной силы являются США (60–70 % трудоустроившихся в научных областях) (Егоров, 2009: 487).

Какие творческие особенности российских ученых «притягивали» менеджеров США?

С. Розен, астрофизик по специальности, менеджер американской программы «Переходный этап в научной карьере», был в конце 1980-х годов одним из первых горячих сторонников привлечения советских ученых для работы в американских корпорациях. Бизнесмены США очень быстро поняли, что существует возможность вкладывать средства в советские технологии и не покидая Соединенных Штатов. Для этого достаточно принять на работу эмигрировавших из Советского Союза ученых. Советские ученые-эмигранты, отмечал Розен, имеют общие корни с великой русской традицией научного новаторства. Периодическая таблица элементов Менделеева, спутник и хирургические сшивающие устройства — вот лишь некоторые из этих достижений. Могут ли американские компании и университеты использовать эти таланты? Мои впечатления, писал Розен, основаны на контактах с сотнями высокопрофессиональных советских ученых-эмигрантов, имеющих научные публикации, докторские степени, причем порой в двух областях. Я прихожу к выводу, писал тогда С. Розен, что они, за редким исключением, стремятся к самостоятельности и на первых порах весьма не требовательны в плане зарплаты. По его наблюдениям, советские ученые-эмигранты отличаются особыми творческими и личностными достоинствами. Вот что он писал в начале 1990-х годов (Розен, 1991):

1. *Советские ученые-эмигранты продуктивны.* Семен Ципурский, ученый-материаловед, приехавший из Москвы, был занят наукой по 12 часов в день, семь дней в неделю, проводил исследования в области биоминерализации и осаджений, углеродных молекул типа «шара».

2. *Спектр их талантов широк: среди них можно встретить представителей многих научных специальностей.* Мне, к примеру, отмечает менеджер этой программы, приходилось встречаться с докторами наук в области рыбоводства, лазерных гироскопов, инерциальной навигации, кавитации, гидродинамики, оптимизации маршрута и т. д.

3. *Они демонстрируют большую научную гибкость.* Аркадий Рубин применил свои познания в моделировании регрессий и прогнозировании временных рядов в специальных проектах по исследованию рынка для компании «Джонсон и Джонсон» в Нью-Брунсвике, штат Нью-Джерси.

4. *Они предлагают свежий взгляд на проблему и способствуют своего рода «перекрестному опылению» научных исследований в США.* Рафаил Кушак, специалист в области биохимии и физиологии мембранного усвоения, в Гарвардском университете начинал с разгадки тайн действия эмбриональных энзимов.

5. *Они обладают узкопрофильными специальностями, сулящими большую отдачу.* В прошлом году США закупили советскую технологию термоэлектронных преобразователей для использования в компактных ядерных реакторах на орбитальных космических силовых установках. Юрий Кравинский, чья докторская диссертация

была посвящена разработке таких силовых установок, внес существенный вклад в развитие этой программы.

6. *Они открыли явления, о которых американские ученые и не подозревали.* Виталий Полуновский, начинавший работу в Университете штата Мичиган (специальность — биология клетки и генетика), обнаружил, что при травмах легких некроз клеток происходит одновременно с разрастанием клеток — открытие, которое может способствовать уменьшению летальных исходов.

7. *Они в высшей степени неприхотливы.* Я знаком с советскими учеными-эмигрантами, имеющими двойную докторскую степень, которые приняли (и с другими, которые охотно бы приняли) должности для начинающих, чтобы доказать свой уровень, улучшить знание английского языка, овладеть американским опытом и публиковаться в американских журналах.

8. *Они хотят освоиться на новом месте.* Они идут навстречу открывающимся возможностям, устремляя свою энергию, талант и храбрость на то, чтобы начать новую жизнь. В эру нехватки научно-технических кадров в США приезд советских эмигрантов — исследователей, преподавателей и специалистов в области техники — является подлинным «подарком судьбы». «Утечка мозгов» из СССР, писал Розен, является притоком мозгов в США.

Рынок американского научного труда, при всей его «широкой иммиграционной емкости», не может принять всех желающих поработать иностранцев. Желаящих всегда больше, чем вакансий на временную научную работу. Конкуренция между многочисленными учеными-иммигрантами из разных стран становится вполне естественным явлением. В этих условиях американские менеджеры имеют возможность из многих иммигрантов, прошедших «испытательный срок», то есть более или менее успешно адаптировавшихся, выбрать наиболее талантливых и перспективных ученых. Это в полной мере касается и российских ученых, временно работающих в США. Отечественные социологи специально изучали вопрос о трудностях адаптации ученых-соотечественников в зарубежных организациях (Райкова, 1994). На вопрос социологической анкеты **«Каковы были основные трудности, которые вы испытывали в процессе работы в научной организации (организациях) за рубежом?»** были получены следующие ответы (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Каковы были основные трудности, которые вы испытывали в процессе работы в научной организации (организациях) за рубежом?»

Трудности	Абс.	%
Языковой барьер	52	34,9
Владение новыми приборами, техникой	24	16,1
Различия в научных подходах	17	11,4
Разобщенность, отсутствие чисто человеческих контактов	16	10,7
Различия в культурах	11	7,4
Другие трудности	3	2,0
Особых трудностей не испытывал	68	45,6
Всего	191	128

Из числа уехавших только немногие (из числа тех, кто изначально ориентировался остаться на долгие годы) получают постоянную позицию (работу) в университете и научных центрах. У большинства же иммигрантов, в том числе тех, кто не испытывал особых трудностей в процессе адаптации в принявшей его научной организации, остается, по крайней мере, три стратегии дальнейшего поведения:

1) пытаться устроиться на временную работу в другую научную организацию этой или другой страны («ученые-кочевники» или «академическое казачество»);

2) пытаться устроиться на работу в этой же стране, но вне научной сферы (например, в бизнесе);

3) вернуться в свою российскую научную организацию и, возможно, вновь пытаться устроиться на работу за рубежом.

Соотечественники за рубежом как руководители научно-исследовательских проектов. На первых порах всем российским ученым-эмигрантам пришлось очень нелегко, однако немалая часть из них адаптировалась в новой социально-научной среде и сегодня прочно стоит на ногах. В условиях конкуренции они подтвердили свой профессионализм, добились значимых результатов, получили признание коллег. Среди них — профессора университетов, руководители лабораторий, самостоятельные исследователи, получающие финансирование из различных частных и государственных фондов. При этом нередко используется следующая схема: наши соотечественники, работающие за границей, получают грант на какие-либо исследования и в качестве субподрядчиков привлекают к участию в работах своих оставшихся в России коллег. Бывает и так, что под конкретную идею эмигранты сначала собирают научную группу из работающих в России ученых и, убедившись, что эта команда с задачей справится, подают заявку на грант.

«В прошлом году я решил начать большую программу исследований по идентификации и изучению белков, которые продуцируются различными микроорганизмами, живущими на каждом из нас, — рассказал доктор наук Андрей Гудков, до 1991 года он работал в Онкологическом центре им. Блохина в Москве, а в последние годы руководил департаментом молекулярной биологии в Lerner Research Institute при Кливлендской клинике — одной из крупнейших в США. — Это очень перспективная тема, поскольку на основе этих белков можно создать препараты для лечения самых разных заболеваний. Конечно, я мог бы искать специалистов-паразитологов для этой программы здесь, в Америке. Но, во-первых, мне их было бы достаточно трудно найти, а во-вторых, они все задействованы в каких-то своих проектах и безумно заняты. А в России я знаю всех специалистов, которые являются профессионалами в своем деле. Поэтому мне было гораздо приятнее и эффективнее приехать в Москву, собрать их всех и сказать: “Ребята, есть вот такая идея. Давайте попробуем решить эту задачу вместе!”» (Рубан, 2003: 61). Кстати, собственная лаборатория Андрея Гудкова специализируется на разработке новых методов лечения рака, в ней двадцать сотрудников, пятнадцать из них — выходцы из России.

Совместные научные проекты выгодны обеим сторонам. Уехавшим, по их собственным признаниям, кооперироваться в исследованиях с соотечественниками проще и комфортнее, а нередко еще и дешевле из-за известной разницы в стоимости рабочей силы в России и на Западе. Есть и еще один мотив — если выходец из России поддерживает связи с каким-либо научным центром на родине, его ценность в глазах нового руководства значительно увеличивается. Представители же российской науки

получают не только финансовые средства, но и возможность оставаться на острие НТП — участвовать в исследованиях по самым перспективным направлениям.

И, что важно, это сотрудничество не вырождается в банальные благотворительные акции. «Мы, живущие за границей, не занимаемся облагодетельствованием российской науки, — говорит А. Гудков. — Это было бы унижительно для наших коллег в России. Мы зовем российских специалистов участвовать в совместных программах потому, что без них наши проекты будут менее успешными. На интеллектуальном уровне я получаю от коллег из России не меньше, чем они получают от меня. Если бы это было не так, такое сотрудничество не имело бы будущего» (Рубан, 2003: 62).

Другой пример, когда не отдельное частное лицо, а зарубежное государство заинтересовано в привлечении в свои университеты ученых из других стран с тем, чтобы «профинансировать реализацию их научных идей». Так поступают, в частности, власти Германии, принявшие, среди многих других, и российского ученого-физика, академика А. Р. Хохлова для реализации одного из проектов (согласно премии Вольфганга Пауля) в Университете г. Ульма (родина А. Эйнштейна), профинансированных Фондом Гумбольдта в течение трех лет (2002–2004). Под руководством Хохлова работала интернациональная научная группа, «костяк» которой составляли приглашенные из России ученые. Работа велась по теме «Биомиметический дизайн последовательностей в функциональных сополимерах», связанной с такой фундаментальной проблемой, как получение синтетических макромолекул с заданными свойствами. «Финансирование немцы предоставили очень быстро: в январе 2002 года проект стартовал, а к апрелю все помещения, которые нам выделили, а это около 15 комнат, были полностью оборудованы и подготовлены для проведения исследований», — отмечал А. Хохлов. Возникает вопрос: а в чем состоял интерес самой Германии и конкретно Университета Ульма, пригласивших для работы российского ученого? Вот как ответил на это академик А. Р. Хохлов: «Германии нужно компенсировать “утечку умов”, которая в последние годы становится все более ощутимой: перспективные исследователи покидают страну и предпочитают заниматься наукой в США. А университет заинтересован в проведении этого проекта, поскольку такие фундаментальные исследования повышают научный уровень вуза и, как следствие, — его престиж. Когда премия была получена, руководство Университета Ульма постаралось на 100 процентов использовать этот факт в рекламе своего вуза. Премия послужила поводом для серии публикаций в местных и центральных газетах. Конечно, это влияет на рейтинг университета. Причем, главную роль сыграл даже не тот факт, что в вузе небольшого города осуществляется проект под руководством российского академика. Важнее оказалось то, что университет сумел добиться его выполнения в своих стенах и победить в конкурентной борьбе ведущие вузы страны. По рейтингу Фонда Гумбольдта Университет Ульма в прошлом году вышел на пятое место». Работа над проектом оказалась значимой не только для германской стороны, но и для маститого российского ученого, который отмечал: «Я специалист в своей области, а наш проект — междисциплинарный, поэтому я не могу знать всего. Мы активно сотрудничаем со многими немецкими научными группами, постоянно идет взаимный обмен информацией, новые идеи возникают даже в процессе разговоров. В ходе таких совместных обсуждений и дискуссий иногда удается сформулировать новые направления работы» (Беляева, 2004).

Таким образом, как российские ученые — представители научной диаспоры, так и ученые «материнской» науки, будучи руководителями крупных научных проектов

за пределами России, оказываются весьма полезными для повышения научной квалификации всех членов интернациональной научной группы, включая российских ученых. Востребованность отечественных ученых и инженеров за рубежом, отмечает А. Р. Хохлов, объясняется, прежде всего, тем, что «они получили очень хорошее образование, которого не получают студенты немецких или каких-либо других зарубежных университетов. Я могу судить об этом как преподаватель, работающий со студентами и в России, и за рубежом. Отечественная система образования в области фундаментальных наук уникальна, поэтому наши выпускники и аспиранты имеют гораздо более высокий научный уровень, чем молодежь из большинства европейских стран <...>. Сейчас фундаментальное образование в области физики и математики у нас гораздо более полноценное и продвинутое, чем на Западе». Что касается соответствия России европейским образовательным критериям, то, по мнению академика Хохлова, «стоит использовать участие в Болонском процессе, чтобы развивать совместные аспирантские проекты. В этом есть определенная логика, поскольку для раскрытия темы диссертации бывает необходимо провести измерения на установках, которые расположены в разных странах или разных научных центрах <...>. В то же время я с большой настороженностью отношусь к заложенной в Болонской декларации идее о возможности обучения студентов, особенно младших курсов, в различных вузах по системе кредитов. Мне кажется, это приведет к снижению качества образования». Чтобы сохранить то позитивное, что накопила наша система образования, необходимо будет очень тщательно и взвешенно подойти к тем изменениям, которые Россия должна будет сделать в ближайшей перспективе в связи с полнокровным присоединением к Болонской декларации. Только в этом случае востребованность российских ученых и инженеров, оценка их высокой квалификации не только в России, но и за ее пределами, сможет сохраниться на достаточно высоком уровне.

Содействие российских ученых, работающих за рубежом, развитию «материнской» науки. Существует представление, что уехавшие за рубеж российские ученые — это, образно говоря, «отрезанный ломоть». Они, мол, заняты исключительно своими научными и материальными проблемами и нет им дела до российской науки. Если в начале 1990-х годов, когда первейшей была задача профессионального и личного выживания ученых, в том числе и посредством выезда за рубеж, то такое представление и отношение к уехавшим было, в какой-то мере, объяснимым. Однако по мере их социальной адаптации в новых условиях, роста профессионального и материального благополучия, они стали проявлять все больший интерес к коллегам-ученым на исторической родине, осмыслению состояния российской науки в целом (Фундаментальная наука и будущее России, 2009). Мотивы такого интереса могли быть самые разные: от подлинного альтруизма до поиска экономической выгоды от взаимодействия с соотечественниками в России.

Перспективы развития российского научного сообщества заботят как уехавших за рубеж российских ученых, так и оставшихся работать на родине. Из многочисленных предложений представителей диаспоры можно выработать систему конкретных действий, которая могла бы способствовать решению ряда социально-организационных проблем развития отечественной научно-технологической сферы. Однако мало что из предложенного находит отклик на родине, а тем более поставлено «на поток». По мнению представителей диаспоры, не решены даже самые элементарные вопросы. В частности, необоснованно высоки таможенные пошлины

на высокотехнологическое оборудование, ученому эмигранту по-прежнему трудно получить въездную визу в Россию, нет четкого правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности, нет финансовых механизмов, которые позволили бы представителям диаспоры легально поддерживать студентов, аспирантов и молодых специалистов. Снять большинство из этих барьеров частным лицам не под силу, к этому должны подключиться государственные структуры.

«Любая попытка оказать России помощь в области науки наталкивается на непроходимые бюрократические препоны. Лично мне известна дюжина попыток установить стипендиальные фонды студентам и профессорам российских университетов, создать интернет-платформу для общения разделенных границами частей российского научного сообщества. Ни одна не удалась. Видимо, корень проблемы в том, что у политической и экономической элиты России нет понимания того, что самый важный ресурс России, который может вернуть страну в ряд ведущих государств, — это фундаментальная и прикладная наука», — говорит Игорь Ефимов, выражая общее мнение научной диаспоры. Сложилась почти анекдотичная ситуация: дееспособная «агентурная сеть» раскинута практически по всему миру, «резиденты» готовы действовать, но Центра, который был бы способен на уровне государства организовать и координировать взаимодействие обеих частей российского научного сообщества, нет. И суть проблемы зарубежная часть нашего научного сообщества понимает гораздо лучше, чем «домашняя» (Рубан, 2003: 64).

В сложившейся постсоветской ситуации, считает наш соотечественник Игорь Ефимов, «пора наводить мосты между двумя лагерями российской науки — ее «утекшими мозгами» и научным сообществом в самой России. Главное — терпеливо искать понимание с обеих сторон, делать это последовательно и беспрерывно». (Ефимов, 2003).

Об этом же, начиная с середины 1990-х годов, писали российские ученые (специалисты по изучению проблем организации науки), призывая власть использовать творческий потенциал российской научной диаспоры, способствовать наведению мостов научного сотрудничества между учеными России и их коллегами-соотечественниками, работающими в зарубежных научных центрах. По истечении 15 лет можно с удовлетворением отметить, что это было одно из самых удачных, практически ориентированных начинаний ученых, ибо выработанные ими рекомендации не только услышаны властью, но и начали воплощаться в жизнь. Так, в конце 2010 года стало известно, что российский бюджет взял на себя финансирование 40 мегапроектов по формированию научных лабораторий в российских университетах, руководителями которых стали победители конкурса — иностранные и российские ученые. Подавляющее «число в списке победителей составляют ученые действительно с мировым именем (исключений, по меткому выражению Константина Северинова, всего два — некоторые из победителей явно выбраны на основе учета интересов меньшинства). В окончательном списке доминируют сильные ученые, благодаря грамотно организованной экспертизе, которая отсекала слабые заявки, оставив для рассмотрения Советом программы 114 проектов» (Иванов, 2010). Особенно впечатляет сумма одного гранта — 150 млн. рублей (а в конце 2011 года подведены итоги и второго конкурса мегагрантов). Наконец-то и в России на научные исследования стали выделяться средства, на которые можно приобрести самую современную научную аппаратуру, достойно оплатить труд высококвалифицированных российских ученых, включая молодых

исследователей. Несмотря на отмеченные достоинства проведения данного конкурса, эксперты указали на его недостатки, в частности: 1) декларированная задача конкурса — создание новых передовых лабораторий — нереалистична. Передовые лаборатории не создаются, они вырастают, и на это уходят годы. Некоторые задают вопрос: а что же будет с этими новорожденными лабораториями по окончании гранта? И тут же отвечают: уедут в полном составе; 2) конкурс неэффективен, если сравнивать его с проектами РФФИ, финансирование которого оказалось под угрозой сокращения. Конечно, положительный эффект от реализации мегагрантов будет, но нельзя не учитывать, что в их знаменателе огромная сумма финансирования. На это указывают не только российские, но и зарубежные эксперты. В частности, профессор математической физики Калифорнийского университета в Беркли Н. Решетников писал: «Все, что я слышал хорошего о российской системе распределения грантов — это РФФИ, но у него финансирование почему-то уменьшается» (цит. по статье Деминой, 2010). В российском научном сообществе и СМИ отмечаются и другие недостатки проведенного конкурса мегапроектов. Но, несмотря на отмеченные недостатки, на наш взгляд, в проведении конкурса мегагрантов больше позитивных, чем негативных моментов.

Российские политики стали понимать, что уехавшие ученые — это не «отрезанный ломоть», что соотечественники за рубежом действительно способны вносить творческий вклад в развитие российской науки. Вызывает удовлетворение, что власть начала наконец осознавать роль научной диаспоры, ее возможный интеллектуальный вклад в модернизацию «материнской» науки, сделала первые шаги по инвестированию значительных средств в совместные с представителями научной диаспоры проекты.

Литература

- Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С.* Ограничение властью профессиональных прав ученых как фактор «утечки умов» // *Науковедение*. 2001. № 3. С. 61–80.
- Беляева С.* Незаданные свойства. Зачем и как российским ученым интегрироваться в мировую науку? (Интервью с академиком А. Р. Хохловым) // *Поиск*. 2004. 28 мая.
- Дежина И. Г.* Утечка умов из постсоветской России: эволюция явления и его оценок // *Науковедение*. 2002. № 3. С. 25–56.
- Дежина И. Г.* Государственное регулирование науки в России. М., 2008.
- Демина Н.* Про уху и аквариум // *Троицкий вариант*. 2010. 6 июля.
- Егерев С. В.* Российская научная диаспора // *Вестник РАН*. 1997. Т. 67. № 1. С. 16.
- Егерев С.* Унесенные ветром? // *Поиск*. 1996. 10–16 фев.
- Егерев С. В.* К вопросу о потенциале карьерного роста российских ученых за рубежом // *Наука в условиях глобализации* / под ред. А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семиной, А. В. Юревича. М., 2009.
- Зайончковская Ж.* Трудовая эмиграция российских ученых // *Демоскоп Weekly*. 2003. 1–14 дек. № 137–138. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0137/tema01.php> (дата обращения: 21.05.2012).
- Иванов А.* Мегагранты: подведение итогов // *Троицкий вариант*. 2010. 9 нояб.
- Леденева Л. И., Тюрюканова Е. В.* Российские студенты за рубежом: перспективы возвращения в Россию. М., 2002.
- Некпелова Е. Ф.* Эмиграция и профессиональная деятельность российских ученых за рубежом. М.: ЦИСН, 1998.

Райкова Д. Д. Международные научные связи институтов РАН в условиях кризиса. М., 1994.

Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. 18-е изд. М., 1989.

Розен С. Зачем нанимать советских ученых-эмигрантов // Поиск. 1991. 1–7 нояб.

Рубан О. Резиденты русского хай-тека // Эксперт. 2003. 20 июня.

Фундаментальная наука и будущее России: открытое письмо Президенту и председателю Правительства Российской Федерации, 14 ноября 2009 г. URL: http://www.hep.phys.soton.ac.uk/~belyaev/open_letter/ (дата обращения: 21.05.2012).

Штерн Б. Дурные деньги достались достойнейшим // Троицкий вариант. 2010. 9 нояб.

Юревич А. В., Цапенко И. П. Нужны ли России ученые? М., 2001.

Ефимов И. Российские научные диаспоры // НГ-наука. 2003. 26 фев.

Russian scientific diaspora and the scientists-migrants' mobility to the USA (the end of the XX — beginning of the XXI centuries)

ALEXANDER G. ALLAHVERDJAN

Head of the Center for the History of Organization of Science and Science Studies
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
e-mail: sisnek@list

NATALIA S. AGAMOVA

Senior Researcher
Center for the History of Organization of Science and Science Studies,
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
e-mail: igruni@list.ru

In Post-Soviet period because of activation of the migration of Russian scientists to other countries, the so called scientific diaspora of thousands of qualified specialists from different fields of science and technology has formed. While keeping Russian citizenship, those scientists are working successfully in the universities and high technological companies of many countries.

Not confining their work to their own professional problems, the scientists-migrants strive for establishing scientific contacts with their “maternal” science in many different ways. Many working abroad Russian scientists think that the time to establish bridges between the two camps of Russian science — between Russian “drain brains” and scientific community in Russia — has come. To a large extent the successful establishing of stable, mutually beneficial cooperation with the diaspora depends upon Russian authorities. It is essential to seek the mutual understanding from both sides, and to do it constantly and continuously.

Keywords: immigration policy, 1990's crisis, Russian scientific diaspora, scientists-migrants, mega-projects.